

О. Б. Степанова

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ОХОТЫ СЕВЕРНЫХ СЕЛЬКУПОВ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОТРУДНИКОВ ВЕРХНЕ-ТАЗОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАПОВЕДНИКА

АННОТАЦИЯ. Северные селькупы по сей день сохраняют традиционный образ жизни, и одним из основных хозяйственных занятий у них по-прежнему остается охота. Особенности современной селькупской охоты определяются традиционными охотничьими навыками, государственными законами о ведении охотничьей деятельности, пищевыми и денежными потребностями семьи, зависящими от современной экономической ситуации, а также природным фактором — миграцией одних охотничьих животных, ростом или сокращением популяции других и т.д. Сбор сведений по теме селькупской охоты у информантов-селькупов затруднен по ряду причин: большинство селькупов не вполне ясно излагают свои мысли, редко дают оценочные или обобщающие комментарии, их рассказы слишком ситуативны, отрывочны, делятся информацией с собирателем они неохотно, так как собиратель — женщина, а охота у селькупов считается чисто мужской сферой жизни. Рассказы дипломированных специалистов — сотрудников Верхне-Тазовского заповедника, много лет ведущих свою работу бок-о-бок с селькупам, знающих селькупов с детских лет, напротив, полны тонких наблюдений, ярких оценок, ухватывающих суть обобщений, кроме того, они излагаются понятным языком и представляют собой взгляд на селькупскую охоту со стороны. Автору, только вступающему на путь изучения вопросов селькупской охоты, представляется интересным и полезным для начала посмотреть на них именно с такого ракурса. Статья дает общую картину современной охоты северных селькупов, уделяя главное внимание трем ее основным направлениям — добыче диких копытных, соболя и медведя.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: селькупы, хозяйственные занятия, охота, современное положение, заповедник, охрана окружающей среды, социальные отношения

УДК 39:639.1(=511.2)

DOI 10.31250/2618-8619-2019-3(5)-241-252

СТЕПАНОВА ОЛЬГА БОРИСОВНА — к.и.н., научный сотрудник отдела этнографии Сибири, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)
E-mail: stepanova67@mail.ru

В изучении этнографии северных селькупов тема охоты занимает важное место. Охота — один из трех основных видов хозяйственной деятельности селькупов. В досоветское время она была единственным занятием, позволявшим им иметь в быту товары фабричного производства. В советский период конкурентом охотничьему заработку стали служить доходы, получаемые селькупами от новой отрасли промышленного рыболовства, но свое значение охота при этом не потеряла. Каждый селькупский рыбак в зимние месяцы года, как и прежде, превращался в охотника. Рыболовство давало селькупам необходимый прожиточный минимум, а охота приносила дополнительные средства, на которые они могли позволить себе что-то сверх минимума, например достроить дом, купить мотор, снегоход и т.д. Или проесть эти деньги, если доход от рыбного промысла был недостаточный. Е. Д. Прокофьева считала охоту главным видом деятельности селькупов (Народы Сибири 1956).

Подсчет дивидендов, которые принесла северным селькупам охота, нужно начинать с того, что благодаря ей (в числе других факторов) они сформировались как этническая группа. В XVII в., следуя общегосударственному тренду перемещения охотников в богатые пушным зверем северные и северо-восточные земли, селькупы стали переселяться со Средней Оби в бассейны Таза и Турухана, где со временем образовали свою этническую группу, отличающуюся от «материнской» группы обских селькупов определенным набором признаков. По данным Б. О. Долгих, в первой половине XVII в. в некоторых зимовьях северного Мангазейского уезда взимался ясак по пять соболей с человека в год, тогда как в Сургутском уезде ясачный оклад и поминки составляли 10 соболей, в Нарымском — 11 соболей, а в Енисейском — 12 соболей с человека. Обилие пушного зверя и меньший размер ясачного обложения стали причинами того, что многие остяки (селькупы и кеты) оставляли насиженные места и уходили платить ясак в Мангазейский уезд (Долгих 1960: 148).

В XVII–XVIII в. в Мангазейском уезде охота была продуктивнее, чем в районах, откуда пришли переселенцы, имелась также возможность продать по достойной цене добытую сверх ясачной нормы пушнину на меховых ярмарках Старой и Новой Мангазеи / Туруханска. Правда, преимущества, которые давало селькупам занятие охотой в этом месте и в это время, уменьшались тем, что на ярмарках русские купцы, как правило, обманывали селькупов — пользуясь их страстью к спиртному, они сбивали цену за шкурки и поднимали цену на муку, чай, мануфактуру и ту же водку.

Ситуация поменялась в XIX в., когда популяция главного объекта пушной охоты — соболя — в результате неумеренной добычи уменьшилась и он мигрировал на восток, за Енисей. В XIX в. селькупы выплачивали ясак белкой и горностаем, шкурки этих животных ценились меньше, поэтому количество взимаемых шкурок увеличилось. В 1902 г. за баишинскими остяками в хлебозапасном магазине Туруханска числилась недоимка в четыре тонны хлеба. Родовой старшина не мог собрать недоимку из-за разорения остяцкого хозяйства вследствие последних двух непромышленных зим (Островских 1931: 168–171).

В советское время колхозы и совхозы план по пушнине выполняли белкой. Сибирские газеты тех времен пестрят сообщениями о победах в соцсоревновании по сдаче государству пушнины, о меткости охотников обоего пола.

Кроме пушного зверя, объектами традиционной селькупской (пищевой, не имеющей целью коммерческой выгоды) охоты были гуси и утки, их добывали по прилету, в конце мая — начале июня и перед отлетом, в сентябре. С осени и до конца зимы добывалась боровая дичь — глухари, тетерева, рябчики и куропатки. Л. Н. Доброва-Ядринцева сообщает, что некоторые селькупы в феврале-марте, игнорируя пушную охоту, отправлялись в тундру Толняр — на промысел дикого

олени. Возможность ездить на охоту на дальние расстояния появилась у селькупов, когда они освоили оленеводство. Наличием и количеством оленей в семье долгое время определялись режим, направления и масштабы охотничьего промысла селькупов (Доброва-Ядринцева 1925: 74; Скалон 1931).

Одним из основных охотничьих животных у селькупов издавна был медведь. Согласно селькупской мировоззренческой традиции, медведь представлялся предком и родственником селькупов, в него вселялась душа умершего человека. На Тыму у селькупов рода Медведя существовал запрет на медвежью охоту, который строго соблюдался еще в 1920-е годы (Прокофьева 1952: 97). У остальных селькупов убивать медведя разрешалось, по некоторым данным, это даже требовалось сделать, но лишь в том случае, когда он сам выходил на охотника. Считалось, что каждый медведь должен был рано или поздно неизбежно «показаться на глаза» охотнику. После добычи медведя обязательно устраивалось гадание на медвежьей лапе, во время которого выяснялось, кто из умерших родственников в медвежьем облике «в гости пришел». Когда ели медвежье мясо, перед медведем извинялись за его убийство, в обращении к медведю применялась эвфемистическая лексика и т.д. (Степанова 2007). Ритуал, проводящийся селькупам после убийства медведя, определенно очень древний, в нем проступают общие черты с медвежьим праздником обских угров и айнов. Описания обычая гадания на медвежьей лапе у тазовских и туруханских остяков содержатся в работах ряда авторов XIX в. (см., например: Мордвинов 1860: 42). То есть селькупскими мировоззренческими установками издревле был наложен запрет на убийство медведя в семьях, принадлежащих к роду Медведя, и запрет на целенаправленную медвежью охоту. Однако записано, в том числе автором, множество бытовых рассказов селькупов (как правило, поучительных историй об опыте отцов и дедов рассказчиков), которые свидетельствуют, что на медведя селькупы с давних пор охотились именно целенаправленно, отыскивая медвежьи берлоги. Охота остяков на медведя, лежащего в берлоге, детально описывается в работах многих дореволюционных исследователей (см., например: Третьяков, 1869: 488; Шухов 1914: 38). В известных автору музейных коллекциях по культуре селькупов в большом количестве присутствуют старинные копья, с которыми в Сибири охотились на медведя, — откасы (пальмы; сельк. *тега*). В фольклорных текстах, где герои как военное оружие используют откас, всегда поясняется, что откас, тега — это копье, с которым обычно ходят на медведя. Поэтому в случае с медвежьей охотой у селькупов, по-видимому, имеет место типичное расхождение между словесной мировоззренческой формулой и реальной практикой.

Неясная ситуация сложилась также у северных селькупов с лосем. Данными научной литературы об охоте северных селькупов на лося в исторической ретроспективе автор не располагает, поэтому попытается извлечь эти данные из мифологических материалов. В мифологии северных селькупов лосиха (лось) — божественное животное, уходящее на небо во время охотничьей погоны, образ земли и солнца, из чего, несомненно, можно уверенно сделать вывод, что охотой на лося занимались еще праселькупы и лось был для них чуть ли не главным охотничьим животным. Между тем лось — «большой, черный, с длинным шагом олень», которого, согласно относительно свежему преданию с названием «О первом лосе», старики Чукай и Шуна («на Ширте-речке жили»), еще незабытые нынешними стариками, увидели впервые и не сразу смогли понять, что за животное перед ними (Степанова 2012: 19). Можно предположить, что древний божественный образ лосихи сформировался, когда предки селькупов жили в другом месте, там, где водились лоси, а в бассейнах Таза и Турухана, куда селькупы переместились в XVII–XIX вв., лосей на тот момент не было, лось мигрировал (возможно, повторно) сюда недавно, в бытность нынешних стариков

детьми, и стал одним из основных объектов селькупской охоты. (Пусть эта противоречивая и не подтвержденная никакими другими материалами мысль останется лишь очень осторожным предположением.)

Такова в общих чертах историческая характеристика охотничьих занятий селькупов. Она поможет понять особенности современной селькупской охоты, выявление и описание которых является целью настоящего исследования. Наше время для многих наций России, больших и малых, вывело на передний план проблему формирования современной этничности. В стороне от этой проблемы не остались и северные селькупы, у которых идет процесс собирания и переосмысления традиционной национальной культуры. Это делает востребованным изучение любых проблем селькупской этнографии, включая охоту. Кроме того, научное исследование по теме современных хозяйственных занятий селькупов актуально в рамках разработки государственных проектов помощи коренным малочисленным народам Севера (автор уже неоднократно обращалась к данной теме, см.: Степанова 2005).

Отдельного исследования тема современной охоты северных селькупов пока не имеет. Все публикации, в которых в каком-либо объеме затрагивается тема охоты у северных селькупов, рассматривают ее или на определенном историческом срезе, далеком от современности, или написаны на чужих, тоже глубоко исторических материалах (Прокофьева 1956; Пелих 1981; Головнёв 1993; Ириков 2002; Головнёв, Тучкова 2005; 2012). Свежих данных в них нет, хотя сфера охоты, находясь под воздействием множества факторов — природных, социально-экономических, законодательных и других, — меняется очень быстро. Поэтому при написании статьи у автора не было другого выбора, кроме как опираться на свои полевые материалы.

Основные данные, по которым писалась статья, были собраны автором во время последней экспедиции к северным селькупам в 2018 г. Самые интересные и полезные сведения по теме были записаны у особенных информантов — двух сотрудников Верхне-Тазовского государственного заповедника и служащего МЧС Красноселькупского района. Это определило основной метод исследования: анализ полевого интервью, взятого у таких информантов, которые по роду службы охраняют местную природу и поэтому держат процесс селькупской охоты под наблюдением. Сравнение положения дел в селькупской охотничьей сфере с ситуацией в этой сфере у других народов и поиск иных методологических подходов к изучению темы в задачи исследования не входили.

Информантов, чьи интервью дали материал для настоящей работы, следует назвать поименно: Е. Дедков — директор Верхне-Тазовского заповедника, ихтиолог, кандидат биологических наук, рыбак и охотник, окончил школу в с. Красноселькуп и имеет много друзей среди селькупов-одноклассников; А. Крутиков — научный сотрудник Верхне-Тазовского заповедника, более 20 лет проработал на кордонах инспектором (егерем), изучая соболя (Крутиков 2016); В. Шевченко — начальник сил МЧС Красноселькупского района, находится в постоянном взаимодействии с заповедником и селькупам по линии тушения пожаров, спасения попавших в беду промысловиков и другим вопросам, тоже опытный рыбак и охотник. Важно, что сведения, предоставленные этими информантами, охватывают весь район, от остальных материалов, записанных у других рассказчиков, отличаются наибольшей достоверностью и, главное, являются результатом уже произведенного первичного анализа, вытекающего из профессионального долга и склонности этих людей обобщать и анализировать. Нужно подчеркнуть, что статья содержит двойной, поэтапный анализ материала — в первую очередь компетентных информантов и во вторую — автора. Автор в своем анализе, опирающемся на опыт предыдущей работы, решала, полагаться на предоставленные ей информантами-специалистами факты и их интерпретации или нет. И, разумеется, нельзя

не сказать, что статья вводит в научный оборот максимальный объем нарратива, верифицирует данные, полученные автором от селькупов ранее, и намечает перспективы углубленного изучения вопроса современной селькупской охоты.

Согласно сведениям названных информантов, ситуация в области селькупской охоты выглядит следующим образом. В общей картине охоты выделяются три основных направления — добыча пушных животных, диких копытных и медведя.

Главным объектом пушной охоты в районе вновь стал соболь. Он вернулся в эти края в начале 1980-х годов, «до этого пустыня была». В 1980-х годах соболя «было мало», однако охота на него велась: одна шкурка соболя стоила 250 руб., и местные охотники могли по завершении охотничьего сезона купить себе снегоход (цена его тогда была 2500 руб.). В 1980–1990-х годах соболь восстанавливал свою популяцию, в чем ему неоднократно помогали охотоведы из Баргузинского заповедника, которые привозили баргузинских соболей и выпускали их здесь для заселения территории, а также для улучшения качества меха местного соболя. Баргузинский соболь по своему цвету (кряжу) самый темный, поэтому рыночная цена на его шкурки наиболее высокая. «Прививка» местной породы соболя прошла удачно: недавно приезжавший в Красноселькупский район охотовед из Братска провел «инвентаризацию» соболя и выяснил, что здешний соболь «один в один» совпадает по кряжу с баргузинским. Сейчас численность соболя в районе «хорошая».

По словам Е. Б. Дедкова, у селькупов два способа соболиной охоты. Самоловный — с помощью капканов — это вторичный способ, и гоном — первичный, «от слова догнать», большинство селькупов предпочитают первичный способ и владеют им в совершенстве. «У селькупов очень большой опыт добычи соболя гоном, т.е. когда догоняют, загоняют на дерево и выкуривают. Тут одна семья на зимнике между Красноселькупом и Уренгоем жила. У них милиция (тогда) отобрала оружие, капканы. Они полный мешок — из-под картошки — шкурок соболей добыли за месяц таким способом. На лыжах загоняли соболя на дерево, обкладывали дерево сетями и спиливали его двухручкой, чтобы соболь спрыгнул и попался в сеть. То есть настолько опытные в добыче соболя гоном были. И при этом у них не было ни снегохода, ни оленей. Бедная семья была. Старый, кажется, сейчас в доме престарелых живет, а сын только из тюрьмы освобожден. Самоловный промысел для селькупов менее интересен, чем способ преследования. Одного соболя селькуп может преследовать несколько дней, будут друг друга обманывать, но все равно он его добудет. Тут азарт на первом плане. Добыча соболя — каторжная работа. Во-первых, пешком, снегохода нет, догонять его, этого соболя... такого уровня охотники».

«У нас за сезон некоторые охотники добывают до 300 штук соболей, 50 штук добывает середнячок. Они же шикарные охотники. И преследователи. Если за соболя цеплялись, когда его особенно мало было... И если зацепятся, они же его на оленях будут топить... Тогда же цена на него какая была. Я же сейчас вижу, как они охотятся, представляю, что во времена Мангазеи было, когда у него цена была, как у коровы, ну, условно».

Зимнее стойбище у селькупов обычно располагается в том месте, где водится соболь, и где есть живун (незаморный водоем). Однако «если они пустыню — по соболю — вокруг себя сделают, могут перебраться дальше, семью оставляют здесь, а сами уходят. Места охоты на соболя стабильны, как правило, у каждой семьи свои. Если переходить на другой участок, он тоже кому-то принадлежит — по родовому праву — его хозяева будут ругаться. И раньше так было, и сейчас. Участки, конечно, официально не оформлены. Но лесное население сейчас немногочисленно, и участков пока на всех хватает. Им за счастье собраться и поехать за сотню-две километров».

С собакой охотятся, пока снежный покров позволяет. Если снег будет выше 30 см, собака уже не может работать. Собака зимой — вспомогательное, а не основное условие добычи. Когда много снега, собака устает, не может догнать соболя.

Миграции соболя каждый год происходят в определенных местах, о чем селькупы-охотники хорошо знают и чем пользуются. Метод преследования соболя имеет разные варианты, их применение зависит от сезона. «Есть типичные участки, где наиболее высокая численность соболя каждый год или по которым идет его миграция. Скажем, двумя большими тундрами прижата узкая река с узкой поймой с кедровником. И по ней постоянно будет миграционное движение, как раз в ноябре месяце соболь будет как по автостраде шуровать, только перехватывай, голосуй выходи и все. И да, действительно, охотник сильно-то и ходить не будет, пересек участок 2 км или 1 км, след перехватил, собака зацепилась, и пошел. Но это до середины ноября. А потом уже только ногами. Места для охоты выбираются, где две большие тундры (тундры — болота. — *О.С.*) прижали речку с 500-метровыми полосами леса по берегам, и здесь перехватывают. Охотник каждый день прошелся, как пограничник на посту, его след пересек соболь, он зацепился и побежал. В массиве, в районе Ратты, сложнее охотиться. У нашего Великого (*Е. И. Ирикова, селькупа и тоже инспектора заповедника. — О. С.*), настолько место хорошее, там крупные болота подходят (они их тундрами называют), и есть узкие перешейки леса. У него, как у Великого, *наиболее продуктивный участок*».

Второй способ добычи соболя — самоловный, капканами. «Если капканят, то путики у селькупов на соболиной охоте могут быть до ста километров. Путик — это дорога, вдоль которой наставлены капканы. Выставлять капканов могут до 100 штук. Сейчас запретили лов негуманными капканами, некоторые переходят на гуманные, но они очень дорогие. Гуманные — это которые не лапу соболу зажимают, а сразу убивают. Это типичная диверсия любимой Западной Европы и Америки, потому что перевооружить охотников-северян всей России, когда капкан стоит 500 и больше рублей, а ему надо сотню капканов купить, это очень непросто. Капканы в совхозное время появились. До того были кулемки, масса, очень много, разные, деревянные».

В нынешней охоте соболь заменил белку, которая была объектом пушного промысла селькупов весь XIX в. и все советское время, причина этого изменения простая — экономическая целесообразность. «В конце 1980-х — начале 1990-х годов здесь белку добывали довольно успешно. Хотя цена была не бог весть какая. Белкой не брезговали вот по какой причине. Был план по пушнине — для любителя 700 руб., для промысловика 1500 руб. Бумажку-разрешение давали на охоту. А чем ты его накидаешь — по 3,50 белкой, по 11 руб. горностаем или по 100 руб. сободем — никого не интересовало. Сободем на черном рынке тогда был уже 250 руб. При средней зарплате в 250 руб. у бюджетников. То есть добываешь одного соболя и отбиваешь месячную зарплату милиционера, например. Поэтому белку долбили, не стесняясь, — план надо было выполнять, белкой нагоняли план. До середины 90-х белку стреляли, пока Союз не развалился окончательно. В 1996 г. мы с Витькой Шевченко, собрались подзаработать на белке, не то что подзаработать, так, женам шубы пошить. И с тех пор она пропала. И до сих пор оклематься не может. А сейчас цена патрона выше, чем закупочная цена белки».

За последние 15 лет сменился также главный покупатель пушнины, им стал Китай, он теперь диктует и закупочные цены. «Если раньше Европа за пушниной бежала, то сейчас Китай. Все выхлестывает — всех соболей, всех белок и пр. В Иркутске на каждом столбе объявления — куплю шкурку, куплю шкурку, куплю хвосты беличьи, дорого, дорого — за счет китайского рынка. И на соболя закупочная стоимость — когда в Туруханском районе 10 тыс. была, в Селькупе

(с. Красноселькуп. — О. С.) еще 3,5 тыс., такой разбег. Здесь нефтяники думали, скупать, не скупать, а там велись централизованные закупки. Высокая цена на соболя катилась с востока, не с запада».

Вторым по значимости охотничьим объектом селькупов после соболя теперь служит олень. Последние 15 лет через Красноселькупский район проходит его миграция в направлении с востока на запад, и численность мигрирующих особей постоянно увеличивается. Селькупы охотятся на оленя без лицензии, продают его мясо в поселках частным лицам или сдают в совхозный магазин, выдавая дикого за домашнего. «Селькупы, кто рядом с заповедником живет, раньше могли одного в год дикого оленя добыть, в период становления заповедника, в конце 1980-х — начале 1990-х, и то не каждый. Тогда редко появлялись дикие олени, единичные встречи были, важенки с телятами... А теперь по территории заповедника уже целые стада дикого оленя ходят. И соответственно, когда они на сопредельную территорию выходят, их бьют десятками, десятками стреляют. Они тебе просто не сказали, они без лицензии стреляют, другим просто не озвучивают, но с нами они делятся информацией. По 20–28 штук за выезд стреляют. Продают бартером, кто на водку, кто на патроны, на бензин поменять. Никто не отменял ни в Ратте, ни в Тольке бюджетников — учителей, врачей, воспитателей, которые сами не охотятся, но у которых всегда есть деньги и которым можно продать мясо по дешевой цене. Есть рынок гусей...

Лицензию на них (на оленей. — О. С.) не продают. Неизвестно, кто эту идею продвинул в округе, но ее продвинули. У нас квоты устанавливаются как-то непонятно. Ввели запрет в Хантах (ХМАО. — О. С.), у них действительно низкая численность дикого оленя. Или им Москва подсказала. У нас численность дикого растет. Постоянно. При этом сокращаются пастбища для домашнего — в северных районах ЯНАО. Там перевыпас домашнего оленя. Сейчас с юга подтяжка дикого оленя идет, там такие тропы мощные, и с востока, шириной метра по два. Причем тропы идут с юга, а не с севера, откуда-то с Хантов, с Нижневартовского района, в верховья Покольки, в верховья Ратты. Тебе просто не сдали эту информацию, побоялись. А так, 15 штук из заповедника вышло, их сразу убрали. За пределы территории заповедника вышли, их сразу добыли, и всех под ноль, вычищают сразу же. А тебе говорят, что они дикого не стреляют. Могут сдать мясо дикого в совхоз и сказать, что это домашний. Генетическую экспертизу никто делать не будет.

Дикий олень был всегда, но численность его начала расти где-то в 2004 г. У тебя данные скорее по верховьям. Основной олень идет здесь (в районе с. Красноселькуп. — О. С.). В верховья приходят стада в 20 голов, а в район Сидоровска — от 700 до 1,5 тыс. голов. В прошлое лето Таз переплыло стадо в пять тысяч голов, с востока пришло. Оленя дикого — во! Особенно в северной части. И все селькупы добывают. Олень там, где преобладают тундры. Охотятся на снегоходах. Добывают сразу по 20–30 голов, старых оленей сдают, себе оставляют молодых важенок, у которых мясо вкуснее».

Если верить данным селькупского фольклора, лось издревле служит селькупам охотничьим объектом, добывают его почти исключительно для питания семьи, так как популяция его по своей численности всегда была не столь велика. Тем не менее за то, что лось сохранился как охотничий объект, селькупы должны благодарить заповедник. Вот как рассказывает об этом А. Крутиков: «И с лосиком тоже. Численность лося стабильна, несмотря на добычу, и они добывают его постоянно, все без исключения. У лося миграций больших нет. Те, которые живут на территории заповедника, как сидят, так и сидят. Вышел за границу — шансы выжить невелики. Лоси чувствуют опасность и сразу бегут в заповедник. Они знают, что на этой территории их не тронут. У каждой лосиной семьи ареал, место обитания, где у них кормежка, имеет радиус 5–6 км. У меня на

Покольке на расстоянии напрямик в 50 км жило семь семей, я их всех в лицо знал, знал, сколько какая корова телят рождает каждый год, одного или двух. Ратта, Поколька — исконно селькупские же реки. А у нас статистика, мониторинг за 30 лет. Заповедник помогает сохранять поголовье зверей, которых традиционно промышляют селькупы. Если бы не было там сейчас заповедника, на Ратте и на Покольке была бы пустыня. Там не было бы ни соболя, ни копытных, вообще бы ничего не было. Там бы пресс такой шел, браконьеры еще нижевартовские, с юга, там выдолбили бы все».

Очень болезненной проблемой для охотников района является получение охотничьих лицензий. «На лося лицензия нужна, но ее сложно получить. Они не могут оформить, находясь в тайге, вовремя подать заявку и отследить эту ситуацию. Сейчас все усложнили, до апреля нужно было подать заявки на то, чтобы рассмотрели квоты, это отправить в Салехард. Чтобы в Салехарде рассмотрели, списки пришли. Этим не администрация занимается, не предприятия, а каждый охотник сам. Сейчас лицензии именные. Ты из Питера можешь вовремя подать заявку на лицензию в Красноселькупском районе ЯНАО на лося, тебя в список включают, ты по какой-то там жеребьевке выиграешь ее, приедешь, выкупишь, даже будучи жителем Питера. А он, находясь в тайге, просто не оформит документы. А квоты устанавливаются по проведению зимних учетов, журнал есть такой — “Зимние маршрутные учеты”, но их проводят, видимо, некачественно, оценку плотности населения лося и оленя дают неадекватно, неправильно. Есть квота лицензий на район, каждый год разная, на основании учета... Вот по этим спискам, например, было 1000 претендентов на всю страну, хоть с Дальнего Востока кто-то заявку подал, чтобы у нас поохотиться, и методом жеребьевки выделяют эти лицензии. Крутиков два года работал в Охотинспекции главным ведущим специалистом, эта система проводится как — приходит к нам 100 лицензий на лося на весь район, а охотников гораздо больше, например 1000, и вот как... собираешь собрание — это раньше так было, сейчас такого нет. Селькупам как националам привилегий никаких нет, “Ямал с котомкой” (“Ямал потомкам”. — О. С.) не может ничего пробить. По рыболовству квоты выделяют не сельхозпредприятиям, а каждой отдельной семье, тут уже администрация вмешивалась, но они смешные — что-то 1 килограмм 600 грамм нельмы на человека на год и т.д. Это селькупам, лесным жителям! Лицензия на лося стоит 1,5 тыс. руб., но вопрос не в цене. Тебе из Питера легче будет оформить, чем, например, Евгению Ивановичу Ирикову».

Помимо оленя и лося, селькупы, как уже говорилось, охотятся на медведя, и вера в то, что медведь — предок человека, этому не мешает. «Медведей селькупы добывают, только шуба заворачивается, выкашивают, это они тебе говорят, что нельзя. Медведей добывают все без исключения и весьма успешно. У оленеводов основная причина, помимо получения шкуры, желчи и мяса с целью продажи, им нужно обезопасить от медведей свои летние стойбища, чтобы те не задрали всех их оленей. Если есть возможность добыть медведя, добывают всеми возможными способами. Мясо медведей может болеть трихинеллезом, от него можно заразиться, его нужно отдавать на анализ. Свинья тоже этой болезнью болеет, но свиное мясо контролируют всякие инстанции. Медведя добывают и в Селькупе, и в Ратте по насту, на снегоходах, все без исключения, специально и в приличных количествах».

Современный вариант заработка селькупов на медведе — продажа медвежьей берлоги богатым приезжим охотникам, для которых охота — это развлечение, хотя не все селькупы готовы этим заниматься. «Они интересные, та семья селькупов с зимника на Н. Уренгой. Мы с Витькой Шевченко ездили, осматривали территории, у нас лицензии были, оленей искали. Ночь, бензин на исходе, остановились, на звезды посмотрели — до дома своим следом точно бензина не хватит,

вроде зимник, на зимник выскочили, изба там, где эти селькупы живут. Посмотрели, посмотрели, вроде туда, посоветались. Я звезду цепляю, выскакиваю — лыжня идет. Смотрю, только веточками отмечено. Еще думаю: вижу селькупские лыжи, но чтобы селькуп да еще и вешковал лыжню свою... глупость какая несусветная. Еду так и думаю про себя. Подъем... — я влетаю в жерло медвежьей берлоги. Воткнул он туда палки, а провешковал дорогу, чтобы не спутать. Я с бураном (на снегоходе. — О. С.) въезжаю в берлогу, в палки уперся, в распырки. Витька меня сзади поджимает, по бурану сзади лыжей тыкает. Останавливается, ночь, фары, так показывает. Витька сразу понял, там буран, сразу отскочил. Ну, короче, приехали к Тетериным, разбирались, соболями предлагали заплатить. Я говорю — продай берлогу. Люди просят берлогу, чтобы добыть... охота, тем более недалеко от зимника. Давай, соболями рассчитаемся. — Нет. Ну, нет-нет, чужая берлогато, не будешь же... Два мешка муки! Сам достал, добыл, и шкуру выменял на два мешка муки. Они своеобразный народ. Мы ему предложили, ему вагон муки можно было купить, на несколько бы лет вперед сделал запас».

К сожалению, автор, когда беседовала с информантами, не смогла записать тексты всех бесед на диктофон целиком, в частности об охоте на местную дичь в диктофонных записях обнаружилось лишь одно короткое замечание: «Европа зашумела — давайте запретим охоту на гуся гуменника, численность падает, на Ямале все выбили — в роддоме этого гуменника. А он, как оказалось, в Китай мотается. Мы на десяток гусей датчики дорожные повесили и отследили их передвижения». Для того чтобы картина современной селькупской охоты, рассматриваемой в статье, была полной, автор тему охоты на пернатых дополнит данными из архива других своих экспедиций.

На глухарей селькупы охотятся всю зиму и вообще круглый год, «в лесу люди ими живут». Весной не стреляют копалух (самок глухаря. — О. С.), чтобы глухарь размножался. Мясо глухарей считается у селькупов сухим и невкусным, едят его, когда другого мяса нет. Стреляют в глухарей и тетеревов дробью. Используя плохой слух этих птиц, подъезжают к ним на расстояние выстрела на лодках, снегоходах и даже мотоциклах — «те ничего не слышат». «Главное приблизиться к ним с подветренной стороны, поскольку нюх у них тонкий». На рябчиков и куропаток сейчас вообще не охотятся.

Мясо водоплавающей птицы — уток и гусей — напротив, селькупы любят, оно жирнее и мягче, чем у глухарей, и его больше на каждой птичьей особи. Коллективная охота — с сетью — на гусей и уток осталась в прошлом, уступив место индивидуальной огнестрельной охоте. Охотясь на водоплавающих, современные селькупы активно используют манщиков — деревянные муляжи уток, объемные и плоские. Автор видела много разных манщиков среди хозяйственных вещей на селькупских стойбищах.

Нашлись в записях интервью очень интересные рассуждения Е. Б. Дедкова о месте охоты среди двух других хозяйственных занятий селькупов. «Селькупские зимние стоянки приурочены к рыбе, которая будет ловиться всю зиму. Исходя не из того, что селькупы любят рыбу, а из того, что это гарантированное питание, белковая пища, независимая от удачи в охоте, от того, есть в семье охотники или нет (по какой-то причине). Это гарантированная добыча в течение самого голодного зимнего периода. То есть когда нет ни уток, ни гусей, ни летней доступной рыбы. Рыбак-охотник не может быть просто рыбаком. Он в местах скопления выдр, лисиц, росомех — животных, которые выводят его на живуны, — не только рыбачит, но и охотится.

Нужно представлять, что оленеводство — это один вид деятельности, а рыбный промысел и охота — другой. Две профессии были здесь — оленевод и рыбак-охотник. И они четко разделялись. Рыбак-охотник летом рыбаком в совхозе работал, а зимой забрасывался на соболиный

промысел. А были люди, которые только при оленях сидели, они не рыбачили и не охотились, куда олени шли, туда и они. А рыбак-охотник — казачок вольный: летом сдал оленей и рыбачит, осенью забрал своих 7–10 оленей и упылил на охоту. Оленеводы в меньшей степени рыбачат и охотятся, они тоже все умеют, но им некогда. Олени привязаны к ягельникам, к местам, где меньше гнуса, спектр питания у оленей очень высокий. Их не привязывают к стаду, где высокая плотность, они содержатся свободно, большую территорию обхаживают, могут объедать лишайники с хвойных деревьев и не копытить. А пастухи к условиям содержания оленей привязаны».

Таким образом, сотрудники Верхне-Тазовского заповедника и МЧС Красноселькупского района дали в своих интервью общую характеристику современной селькупской охоты, обозначив ее особенности и обнажив современные охотничьи проблемы. Современные селькупы охотятся главным образом на соболя, оленя, лося, медведя и водоплавающую и боровую дичь. Охота остается одним из основных хозяйственных занятий селькупов. Главный денежный доход им приносит пушная охота на соболя, в которой они являются непревзойденными мастерами. Добыча шкурок других пушных животных (красной и чернобурой лисы, песца, белки, горноста, колонка, росомахи, выдры, бобра и ондатры) сегодня по разным причинам серьезного хозяйственного значения не имеет. Основными объектами мясной охоты служат северный олень и лось. В приоритетах пищевой охоты остается также водоплавающая дичь.

К проблемам сегодняшних охотников можно отнести получение лицензий на охоту, оно затруднено бюрократическими причинами. Отсутствие лицензий на охоту на дикого оленя толкает селькупов к браконьерству и уходу в сферу теневой экономики. Верхне-Тазовский заповедник выполняет в районе Таза функции природоохранной организации, благодаря ему сохраняется и восполняется поголовье животных, служащих селькупам охотничьими объектами. При отсутствии охраняемой заповедной территории появление у селькупов современных снегоходов и огнестрельного оружия с большой убойной силой стало бы причиной серьезного перепромысла этих животных и угрозы их уничтожения.

Информанты, чьи интервью легли в основу статьи, представили почти законченную картину селькупской охоты, поэтому автор намеренно ограничилась ими и не использовала в статье сведения из бесед с охотниками-селькупами, записанными в той же и нескольких других экспедициях. Так получилось, что все рассказы охотников-селькупов содержат информацию по каким-то узким проблемам охотничьей темы. Например, по вопросам устройства и работы различных старинных ловушек на соболя, невозможности охоты на соболя в горельниках, отличия соболя местного от соболя проходного, ведения охотничьего промысла в 1960–1980-е годы, отношений селькупов-олeneводоc с диким оленем и т.д. Освещение частных вопросов мешает воспринимать общую картину, поэтому рассмотрение всех названных вопросов автор отложила на потом.

Приведенная в исследовании общая характеристика селькупской охоты позволяет наметить направления, по которым возможно дальнейшее изучение темы. Например, требует рассмотрения вопрос о месте охоты в современной хозяйственной ситуации селькупов и, отдельно, об отношении селькупов и Верхне-Тазовского государственного заповедника, следует провести ревизию методов современной охоты и выявить в них новизну и традиционность и т.д. Ситуация в селькупской охоте просится к сравнению с охотничьей ситуацией у других народов Сибири, что можно будет сделать с помощью трудов ученых, рассматривавших охоту у соседей селькупов по региону, а заодно позаимствовать в этих трудах новые научные подходы и методы, если таковые найдутся.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Головнёв А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993.
- Головнёв А. В., Тучкова Н. А. Хозяйство. Селькупы // Народы Западной Сибири. Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энды. Нганасаны. Кеты. М., 2005. С. 317–329.
- Головнёв А. В., Тучкова Н. А. Хозяйство // Селькупы: очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск, 2012. С. 77–87.
- Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // Труды Института Этнографии. Новая серия. Т. LV. М., 1960. 662 с.
- Доброва-Ядринцева Л. Н. Туземцы Туруханского края. Новониколаевск, 1925.
- Ириков С. И. Хозяйство и материальная культура тазовских селькупов // Хомич Л. В., Ириков С. И., Аюпова Г. Е. Тазовские селькупы. Очерки традиционной культуры. СПб., 2002. С. 39–118.
- Крутиков А. В., Кижеватова А. А. Динамика плотности населения и зимнее питание соболя в Верхне-Тазовском заповеднике (ЯНАО) // Фауна Урала и Сибири. 2016. № 1. С. 185–191.
- Мордвинов А. Инородцы, обитающие в Туруханском крае // Вестник ИРГО. Т. 28, № 1–2. СПб., 1860. С. 25–64.
- Островских П. Е. Баишенские остяки (остяко-самоеды) Туруханского края в конце XIX в. // Советский Север. 1931. № 7–8. С. 161–181.
- Пелих Г. И. Селькупы XVII века. Очерки социально-экономической истории. Новосибирск, 1981.
- Прокофьева Е. Д. К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // Сибирский этнографический сборник. Т. 18. М.; Л., 1952. С. 88–107.
- Прокофьева Е. Д. Селькупы // Народы Сибири. М.; Л., 1956. С. 665–687.
- Скалон В. Н. Оленеводство в бассейне р. Таза (Туруханский край) // Советский Север. 1931. № 3–4. С. 70–87.
- Степанова О. Б. Медведь как образ матери-предка и души человека в традиционном мировоззрении селькупов // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2006 году. СПб., 2007. С. 206–215.
- Степанова О. Б. Особенности современного хозяйственно-культурного положения коренных народов Севера Красноселькупского района Ямало-Ненецкого автономного округа // Культурное наследие народов Сибири и Севера: мат-лы VI Сибирских чтений. Санкт-Петербург, 27–29 октября 2004 г. СПб., 2005. С. 167–173.
- Степанова О. Б. Северные селькупы: система традиционных взглядов в зеркале одного интервью // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 2 (5). С. 124–131.
- Степанова О. Б. Фольклор северных селькупов: полевые сборы 2004, 2005 и 2008 гг. // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 12. СПб., 2012. С. 5–31.
- Третьяков П. Туруханский край // 3 записки ИРГО по общей географии. Т. 2. СПб., 1869. С. 215–531.
- Шухов И. Н. Общий обзор бассейна реки Таза (по данным Таз-Тунгусской экспедиции И. Н. Шухова в 1914 г.). С картой. Ачинск, 1915.

**FEATURES OF THE MODERN HUNTING OF THE NORTHERN SELKUP
IN THE INTERPRETATION OF THE STAFF
OF THE UPPER-TAZ STATE NATURE RESERVE**

ABSTRACT. The northern Selkups still retain their traditional way of life, and one of the main economic activities they still practise is hunting. The characteristics of today's Selkup hunting are defined by traditional hunting skills, state laws on hunting, food and monetary needs of a family, which depend on the current economic situation, as well as the natural factor such as the migration of a hunting animals, the growth or reduction of other populations, etc. Collecting information on the Selkup hunting from Selkup informants is difficult for several reasons: the majority of Selkup are not quite clear in their thoughts, they rarely give evaluative or generalizing comments, their stories are too situational and fragmentary, and they are reluctant to share information with the female collector, as hunting is considered among the Selkup to be a purely male sphere of life. The stories of graduates, employees of the Upper-Taz Nature Reserve, who for many years have been working side by side with Selkups and who have known them since their childhood, are full of subtle observations and bright assessments, grasping the essence of generalizations, they are set out in clear language and represent an outsider's view on the Selkup hunting. To the author, who is just embarking on her path of studying the issues of Selkup hunting, it is interesting and useful to look at them, for a start, from this perspective.

KEYWORDS: Selkups, economic activities, hunting, current situation, reserve, environmental protection, social relations

OLGA B. STEPANOVA — Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Department of Siberia, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Russia, Saint Petersburg)

E-mail: stepanova67@mail.ru